

Н. И. Грачев

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА В ОНТОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются политические и экономические аспекты жизнедеятельности современного государства. В условиях глобализации мирового хозяйства сложилось доминирование экономических целей и средств в деятельности государств и международных организаций, что ведет к полной ликвидации политики как самостоятельной области бытия, а в конечном итоге к упразднению самого государства и государственности как таковых. В связи с этим насущной необходимостью для всех стран и народов, желающих сохранить свою цивилизационную идентичность, политический и экономический суверенитет, являются отказ от либеральной идеологии и выработка принципиально иного мировоззрения на базе признания приоритета политических ценностей над экономическими и формирования на этой основе патристически ориентированной элиты с антибуржуазным типом мышления.

Ключевые слова: политика, экономика, государство, глобализация, глобальный бизнес, либеральная идеология, государственный суверенитет, общественный проект, цивилизационная идентичность.

N. I. Grachev

POLITICS AND ECONOMICS IN THE ONTOLOGY OF THE MODERN STATE

The article deals with the political and economic aspects of the life of the modern state. In the context of globalization of the world economy had the dominance of economic goals and means in the activities of States and international organizations, leading to the complete elimination of the policy as an independent area of life, and ultimately - the abolition of the state and statehood as such. Therefore, an urgent need for all countries and peoples, wishing to preserve their civilizational identity, political and economic sovereignty, is the rejection of liberal ideology and develop a fundamentally different outlook on the basis of recognition of the priority of political values over economic and formation on this basis of public-oriented elite and anti-bourgeois mindset.

Key words: politics, economy, government, globalization, global business, liberal ideology, sovereignty, public project, civilizational identity

Рассмотрение политических и экономических аспектов жизнедеятельности современного государства выходит далеко за рамки описываемых современной теорией государства и права вопросов их соотношения в различных социальных системах и режимах осуществления власти и определения пределов государственного вмешательства в экономическую жизнь общества. В данном случае речь идет о сущности государства и самой возможности существования территориальной суверенной государственности в условиях экономической глобализации, а в конечном счете о сущности человека: является ли он преимущественно существом экономическим, и превалирует ли в нем всегда биологическое, животное начало, или все-таки он в большей степени существо политическое, относящееся к «полису» как организованно упорядоченному состоянию общества, основной формой выражения которого в течение трех последних тысячелетий служит государство. При этом фундаментом для двух великих учений, доминирующих и

соперничающих между собой в идеологическом дискурсе и политической практике с середины XIX в., — либерализма и коммунизма — стали видение и интерпретация человеческого поведения как экономического. В этом плане они выступали как «братья-близнецы»: выводили все социальные явления (культуру, политику, право и т. п.) из экономического базиса. Собственно, и сама победа либерализма над марксизмом в конце XX в. произошла по схеме последнего, согласно которой популярность «учения» возрастает прямо пропорционально его претензиям на простые и универсальные объяснения сложных явлений общественной жизни [1, с. 58]. В результате победивший и превратившийся в «единственно верное учение» либерализм оказывается еще более монистической доктриной, чем марксизм-ленинизм. Он интерпретирует общественные отношения как экономические, связанные с ожиданием максимально возможной экономической отдачи. В соответствии с этим либеральная идеологическая парадигма исходит из того, что сфера властно-

политических и административно-правовых отношений будет непрерывно сужаться, уступать место связям хозяйственного, гражданско-правового характера. В этом смысле либеральный концепт во многом совпадает с марксистской утопией отмирания государства (опровергнутый, кстати, теорией и практикой реального, сталинского социализма). Однако если марксизм связывал такое отмирание с пролетарской революцией и построением коммунистического общества, то современный либерализм — с экономической глобализацией и переходом к постиндустриальному обществу.

По своей сути, теория и практика глобального мира как экономоцентричной системы, в ряде своих вариантов предлагающие создание мирового правительства, направлены против государства и политической власти, а также против политики, рассматриваемой в качестве онтологической реальности. Глобальный мир должен управляться только экономическими законами и универсальной моралью «прав человека», основным из которых является право собственности. Все политические решения заменяются техническими. Место политики занимают технологии, место политиков, действующих в интересах своих народов и стран, — менеджеры и технологи, имеющие фактический статус «временных управляющих», нанятых по контракту глобальным бизнесом и действующих в интересах транснациональных корпораций (ТНК). Подобная реальность, а точнее виртуальность, вытесняющая собой реальность, ведет к полной ликвидации политики — самостоятельной области бытия современного государства, а в конечном счете к упразднению самого государства и государственности как таковых.

С точки зрения либерального мейнстрима частная собственность и рыночное хозяйство — основа экономического базиса современного общества — всецело определяют характер надстройки, следовательно, доминирующей тенденцией в политике (впрочем так же, как и в культурной и духовной сферах) становится прибыльность и продажность в прямом и переносном смыслах [2, с. 117]. Тем самым политика в современном (либеральном) смысле выступает отрицанием самого политического дискурса, «стратегией ликвидации, разложения и анатомической вивисекции политической онтологии» [3, с. 285]. Политика становится частью экономики, ее функцией и изгоняется из современного «полиса». Следствием такого подхода, который фактически победил в теории и стоит на пороге окончательной победы в международных делах, стало господство глобального бизнеса, мировой финансовой

олигархии, претендующих на тотальное господство над странами и народами. Неслучайно, нападкам и осуждению со стороны либеральной идеологии в первую очередь подвергается основной признак государства — суверенитет. Адепты глобального мира утверждают, что государственный суверенитет есть вредная и опасная химера, препятствующая процессам свободного обмена товаров, услуг и финансовых средств, несовместимая с объективными тенденциями глобализации экономики, информационной открытости, интернационализации образования, планетарной научно-технической революции. При этом умалчивается, что развитие процессов глобализации если не с самого начала, то уже давно характеризуется привнесением серьезного субъективного, т. е. политического фактора. Он проявляется в глубокой заинтересованности западных государств во главе со своим глобальным лидером — США, транснациональных экономических и финансовых структур в ускорении определенных аспектов процесса глобализации и придании ему конкретного направления.

Поскольку современная мировая экономика основывается на принципе рентабельности, оцениваемой в деньгах (в основном в главной резервной валюте — долларе), из этого выводится на первый взгляд привлекательная идея международного разделения труда. Однако такое разделение подразумевает наличие единого управления, о чем не принято говорить. Ведь должен же кто-то руководить мировыми экономическими процессами, где каждый регион производит только какой-то вид(ы) продукции, а не делает огромной массы всех необходимых ему товаров. При отсутствии такого управления хаос просто неизбежен. Но чтобы управлять мир-экономикой, необходимо обладать властью как способностью навязывать свою волю, определять и контролировать поведение миллиардов людей. Для этого нужно иметь волю к власти, определенную цель в виде проекта социального устройства мирового сообщества в целом, заниматься распределением экономических и административных функций и организацией их выполнения, обеспечивать защиту от неправомерного насилия и легитимировать насилие законное, а следовательно, формировать единую правовую систему, которая всегда создается на основе определенных социально-нравственных ценностей. Однако все перечисленное является онтологическим содержанием политики, представляет собой объект и формы ее реализации и требует установления единого центра принятия решений не только управления мировой экономикой, но и всей жизнью мирового

сообщества. Так, управление экономикой в мировом масштабе с неизбежностью приводит к руководству мировой политикой на основе определенной идеологии и в целях реализации конкретного политического проекта.

В качестве идеологии здесь выступают постлиберализм и мондиализм (от фр. *monde* — мир). Ее сторонники, живущие во всех странах мира, ставят под сомнение все автохтонные культурные образцы и традиции, призывают к идейному и политическому разоружению перед западной экспансией, настаивают на предельной экономической открытости, что в итоге должно привести к смешению всех государств и народов в единое планетарное образование с уничтожением расовых, религиозных, этнических, национальных и культурных границ (либеральная утопия всемирного гражданского общества). Содержание итогового проекта раскрывает расистская теория «золотого миллиарда», согласно которой «обеспеченное существование на планете может быть гарантировано только для миллиарда человек из наиболее преуспевающих стран, в то время как всем остальным странам уготована жалкая участь сырьевого придатка и поставщика дешевого человеческого материала для обслуживания интересов транснационального капитала» [4, с. 136, 137]. Эта доктрина уже применяется в регулировании международных отношений, при этом демонстрирует западоцентричный характер. Ведь как-то само собой разумеющимся стал тот факт, что центром принятия решений глобального значения являются крупнейшие страны Запада (в рамках Большой семерки и Большой двадцатки). Но прежде всего это относится к США, на территории которых располагаются штаб-квартиры почти всех международных организаций (Организации Объединенных Наций, Международного валютного фонда, Международного банка, Всемирной торговой организации) и большинство ТНК, которые совсем не являются «экстерриториальными» образованиями, происходят из определенного государства и в своей деятельности опираются на него, поэтому либеральная глобализация подстраивается в основном под интересы северо-американских и тесно связанных с ними британских транснациональных корпораций и осуществляется далеко не экономическими методами.

В основе существующего на настоящий момент глобального доминирования США лежит сочетание технологического, экономического, финансового, военного и политического превосходства. Технологическое лидерство позволяет американским корпорациям присваивать

интеллектуальную ренту и опережать конкурентов по широкому фронту научно-технического прогресса. Исходя из этого американские компании имеют преимущество на мировых рынках по эффективности производства и предложению новых товаров. Экономическое превосходство создает основу для монопольного положения доллара в мировой валютно-финансовой системе, которое защищается военно-политическими методами [5, с. 131].

Технологический рывок, совершенный в последние годы Китаем, Индией и Бразилией, создание ими совместно с Россией и ЮАР международного блока БРИКС, где под экономической риторикой явно проглядывают контуры нового многополярного мира на основе существующих локальных цивилизаций, подрывает экономический фундамент глобального господства США, что они пытаются компенсировать усилением военно-политического давления на конкурентов.

Следует заметить, что сама модель однополярного мира (именно в политическом смысле) смогла состояться только в результате последовательного использования организационно-политических технологий, сетевых и сетецентричных войн, а иногда и конкретного вооруженного вмешательства (Сербия, Ирак, Ливия) при использовании политики двойных стандартов: с одной стороны, предельное укрепление гегемонии США на основе идейной, военно-политической и экономической консолидации вокруг них всего западного мира, с другой — предельное разобщение, военно-политическое ослабление, идейная дезориентация и деморализация всех остальных возможных центров силы в их противостоянии Западу. В связи с этим образование Евразийского экономического союза категорически осуждается западными странами как рецидив «российского империализма», а гегемонистические стремления рассматриваются США в качестве деятельности по поддержке демократии и защите прав человека. Политический истеблишмент США прямо обозначает их цели в современном мире — «узаконение роли Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы» [6, с. 254].

Таким образом, идеи либерализации экономики, хозяйственной, финансовой и торговой открытости границ, экономической эффективности международного разделения труда, приоритета экономических интересов над политическими, а международного права над государствами скрывают за собой сугубо политические властные амбиции глобальной олигархии, в основном, англосаксонской по своему происхождению и месту пребывания. Именно она в наступившую эпоху

экономической, «денежной» цивилизации стремится осуществлять руководство стратегическим развитием всего мира, опираясь на свое доминирующее положение в институтах государственной власти США и других странах Запада, используя ресурсы этих стран для обеспечения глобального, политического по своему характеру и содержанию господства. Более того, эта элита и создала такую цивилизацию, реализовав капиталистический проект [7, с. 7—143], а сейчас работает над осуществлением посткапиталистического глобального проекта.

Однако наличие цели как стремления к реализации определенного общественного проекта — это одна из основных форм проявления политического. Оно представляет собой телеологическое измерение политики. Цель в виде проекта играет здесь роль системообразующей инстанции для всего общественного бытия, всех его сфер и срезов. Между целью и властью, выступающей основной формой выражения политического, существует тесная взаимосвязь. В случае если власть не способна выдвинуть и сформулировать или же не стремится реализовать цель, она становится фиктивной. Отсюда вытекает значение системы ценностей, выражаемой посредством политической, религиозной и правовой идеологии, которая минует политическую власть (прямую или косвенную, правящую или революционную, альтернативную) и никогда не доминирует в обществе. Общественный проект есть некое задание, предназначение, цель движения общественного организма. С его помощью государство, партии, социальные слои, отдельные граждане обретают четко обозначенный горизонт, достижение которого составляет для них высший смысл коллективного существования [3, с. 13—25].

Выдвигают проекты политические элиты, обладающие властью или способные оказывать на нее определяющее влияние. Но реализуются они посредством государств, которые на протяжении всей человеческой истории были высшей формой существования общества. В этом качестве государства организуют и опекают все основные сферы человеческой деятельности: хозяйственную, культурную, социальную и отчасти географическую и биосферную среду [8, с. 85—93], — поэтому все, что связано с экономикой, в лучшем случае относится к уровню средств, но никак не целей. Государство в лице своей верховной власти определяет основные направления экономической, социальной, национальной, культурной, правовой и т. д. политики. Экономическое, финансовое, производственное, технологическое и т. д. не

обладают в общественной жизни самостоятельной онтологией, не могут носить самостоятельного характера, так как выступают лишь средствами удовлетворения материальных потребностей, создавая соответствующие условия для достижения более высоких духовно-нравственных политических и социальных ценностей, лежащих в основе социального проекта. Это вытекает из того, что на основе чисто экономических приоритетов невозможно обеспечить систему общих целей, ценностей и интересов, а фактически суверенное государство всегда выступает как организация коллективной воли, работающая на политическую целостность общества, поэтому утверждающая коллективные приоритеты над частными. Если государству это не удается, оно разрушается и гибнет.

Уже кажется парадоксальным, что либерально-демократические государства современности и вся экономическая цивилизация Запада появились на основе сознательно сформулированного проекта развития общества, утверждения определенной концепции человеческой личности и установления соответствующих политических институтов управления общественными процессами. Хотя либеральная демократия не может свести свои теоретические истоки к единственному автору вроде К. Маркса, она имеет богатую интеллектуальную родословную, идущую от Т. Гоббса и Дж. Локка, идеологов французского Просвещения и отцов-основателей США к классикам политэкономии (А. Смит и Р. Рикардо), через Б. Констана, Дж. Ст. Милля и И. Бентама до Ф. Хайека и К. Поппера и представителей чикагской школы экономики (М. Фридмана, Г. Беккера), установившей неразрывную связь между либерализмом и парадигмой «экономического человека». Таким образом, с XVIII в. западная элита постепенно трансформировала идеологию либерализма и практику строительства либерально-демократической государственности в теорию экономической глобализации и практику построения однополярного мира с одним единым центром власти и управления. При этом современный либерализм категорически отрицает необходимость наличия у любых государств, народов, цивилизаций своего проекта общественного устройства, утверждая, что это чревато неоправданным насилием над стремлениями отдельных индивидуумов, ориентированных на реализацию частных экономических интересов. Его адепты стремятся доказать, что любой масштабный политический проект автоматически ведет к подавлению свободы человека. Единственным исключением выступает проект открытого мирового

гражданского общества, где приоритетное место будут занимать цели и критерии экономического успеха и обогащения, а высшей ценностью, вытесняющей и замещающей все остальное, являются деньги.

Выдвинув в свое время идеи свободы и юридического равенства, народовластия и законности, либерализм и построенная на нем буржуазная государственность вызвали колоссальный пассионарный подъем, оказали огромное влияние на развитие человечества, привели к великим достижениям в экономике, науке, материальной культуре. Однако в настоящее время капиталистическая цивилизация превратилась в централизованную империю, реализующую свой собственный проект глобального суверенитета частной власти транснациональной олигархии, призванной заменить власть национальных государств. Процесс такой замены, подготовивший Первую мировую войну, начался еще в начале XX в., когда произошло образование закрытых транснациональных институтов. Важнейшим результатом этой войны стал крах европейских континентальных империй, возглавляемых старейшими монархическими династиями. Но это не устранило из общественной жизни имперский и династический принципы. Они оказались востребованными в сфере частного бизнеса, были перенесены в организацию финансово-промышленных групп, ведущими среди которых являются Ватикан и кланы Ротшильдов, Рокфеллеров [9, с. 57, 194—228, 9]. К этим бизнес-империям перешла и функция стратегического руководства развитием Запада. Однако после краха СССР в условиях глобализации объектом их управляющего воздействия становится весь земной шар. В свою очередь значение современных государств и во внутренней жизни своих народов, и на международной арене все больше падает. Их органы власти перестают быть выразителями интересов наций и народов, теперь они охраняют интересы крупного капитала. Государства, в том числе крупные (США, Великобритания, ФРГ, Франция), воспринимаются космополитической элитой в качестве инструментов политической, а если потребуются, то и военной защиты своих бизнес-империй. При этом у англосаксонской олигархии взгляд на государство как на свою вотчину доминирует безраздельно [9, с. 195]. Именно с указанной точки зрения следует подходить к направленности внутренней и внешней политики США. При помощи глобальной сети военных баз, электронной разведки, структур НАТО и т. д. США пытаются удержать контроль над всем миром, его энергетическими ресурсами,

пресекая попытки отдельных государств вырваться из экономической и финансовой зависимости от единственной сверхдержавы. Для сохранения своего монопольного положения США и стоящие за ними олигархические кланы объективно заинтересованы в новой мировой войне. Невозможность ее проведения обычными способами из-за рисков применения оружия массового поражения они пытаются компенсировать сетью локальных и региональных войн, складывающихся в своей совокупности в хаотичную глобальную войну. На основе политики «управляемого хаоса» США, их хозяева и союзники пытаются покончить с независимостью государств, стремящихся сохранить и отстоять свой суверенитет.

Таким образом, становится очевидным, что, отказывая всем странам, народам и государствам в праве иметь свой проект социально-политического развития, глобальная олигархия пытается реализовать собственный проект, вернее антипроект, нового мирового порядка — мировой империи, где роль верховной власти, политиков, принимающих решения о судьбах мира, будет принадлежать исключительно ей одной. Тем самым вопреки либерально-демократической риторике адептов экономической глобализации конструируется мир политического монополизма с единственным центром силы, делением населения земли на расы господ и социальных изгоев, на «золотой миллиард» и бесправную периферию, к которой отнесено подавляющее большинство стран и народов. В связи с этим насущной необходимостью для них является сохранение своей собственной цивилизационной идентичности, политического и экономического суверенитета. Однако это невозможно сделать без выхода за рамки господствующей повсеместно либеральной идеологии и существующих сегодня форм национальной государственности. Ясно, что новый мировой порядок, на пороге которого находится человечество, будет либо миром глобальной империи, либо миром империй (новых импероподобных образований), сознательно формируемых на основе существующих локальных цивилизаций. Отсюда вытекает особая актуальность концепта империи для отечественной гуманитарной науки и развития самой российской государственности, так как более чем очевидно, что в «новом дивном мире» однополярного глобализма для России и ее народа места нет.

В свою очередь для научного осмысления вопросов строительства нового имперского государства на евразийском пространстве, способного обеспечить самостоятельность и независимость проживающим в нем народам,

одной из ключевых является проблема соотношения политики и экономики. В этом аспекте представляется необходимым освободить политологическую, экономическую и юридическую науки от господствующих в них либеральных догматов, которые давно уже перестали иметь научное значение, превратившись в идеологические клише. Российскому научному сообществу, если оно желает сохранить страну и себя, необходимо выработать принципиально иное научное мировоззрение, которое будет в состоянии проложить путь новому реализму, сформулировать особый антибуржуазный тип политиков, юристов и экономистов с государственным типом мышления, восприимчивых к коллективным национальным ценностям, которые могли бы стать основой новой патристически ориентированной элиты, способной преодолеть кризис современного потребительски ориентированного «новорусского» истеблишмента.

Первым шагом в указанном направлении могло бы стать общенаучное признание приоритета политики над экономикой и всеми другими сферами общественной жизни в организации и функционировании государства. Такое признание означало бы, во-первых, что экономические задачи и потребности по степени своей значимости никогда не могут превосходить уровень средств общественного развития и всегда должны быть подчинены уровню более высоких нравственных, культурных, а более всего политических целей. Во-вторых, это позволяет признать тот факт, что любая модель экономики, любое направление развития культуры, права, образования, здравоохранения и т. п. всегда основываются на определенных политических решениях, принимаемых верховной государственной властью или властью надгосударственных структур, откуда и происходят понятия экономической, правовой, культурной, кадровой, национальной и т. д. политики. В-третьих, это будет означать, что верховная государственная власть всегда должна выступать инстанцией, стоящей выше интересов отечественного и зарубежного бизнес-сообщества, направляющей его деятельность в сторону целей укрепления своего государства, обеспечения сохранения, воспроизводства и благополучия государствообразующего народа. Наконец, в-четвертых, такое признание позволит качественно обновить антропологию, так как будет интеллектуальным возвращением человека к своей первоначальной и единственной сущности коллективного существования в качестве «политического животного». Поскольку любой человек всегда существует в конкретной среде семьи, трудового коллектива, населенного

пункта, государства, общественное для него является естественной и, по сути, единственной средой бытия. Возможность замкнутого индивидуального существования — это абстракция, умозрительная теоретическая посылка постлиберальной концепции. Но все общественное имеет в своей основе политику и предопределяется политической реальностью. Политическое формирует все мировоззренческие, культурные, духовные, психологические, социальные и хозяйственные установки, на которых основывается любой человеческий коллектив. Непрерывность и тотальность политического процесса, по существу, обеспечивают непрерываемость во времени самого человеческого рода и формируют отдельных его представителей. Лишь в политическом проявляет себя сущностное измерение человеческого.

Список библиографических ссылок

1. Панарин А. С. Политология. М.: ПБОЮЛ, 2001.
2. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Рус. нац. фонд, 2000.
3. Дугин А. Г. Философия политики. М.: Арктогея, 2004.
4. Глазьев С. Ю. Геноцид. М.: ТЕРРА, 1998.
5. Глазьев С. Ю. Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? М.: Книжный мир, 2015.
6. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Междунар. отношения, 1999.
7. Фурсов А. И. De Conspiratione: Капитализм как заговор // De Conspiratione: О заговоре: сб. моногр. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2013.
8. Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2008.
9. Павленко В. Б. Глобальная олигархия. Клань в мировой политике: история и современность. М.: ОГИ, 2015.

© Грачев Н. И., 2016